

Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
Факультет журналистики
Кафедра зарубежной журналистики и литературы

РЕФЕРАТ

**Значение мотивов жизни-
сна и жизни-театра в драме
«Жизнь есть сон»**

студентки II курса 213 группы
Александровой С.А.

Преподаватель: к.фил.н., ст. преподаватель
Гуляева И. Б.

Москва, 2015

Оглавление

Введение.....	2
Мотив жизни-сна.....	3
Мотив жизни-театра.....	6
Заключение	8
Список использованной литературы.....	9

Введение

Мотивы жизни-сна и жизни-театра, являясь частью барочного, противостоящего ренессансному, мировоззрения, по-прежнему остаются актуальными, а потому привлекательными как для рядовой аудитории (вследствие невозможности ответить максимально точно на вопрос: «Что есть жизнь?»), так и для исследователей, занимающихся поиском толкований этих сравнений.

Данная работа основана на изучении текста пьесы Кальдерона «Жизнь есть сон» в переводе К. Д. Бальмонта, а также работ А. Л. Штейна, С. И. Пискуновой и Н. М. Балашова, т.к. перечисленные исследователи несколько по-разному трактуют обозначенные мотивы в пьесе.

Мотив жизни-сна

Мотив жизни-сна в драме Педро Кальдерона «Жизнь есть сон», безусловно, является одним из важнейших в пьесе. Он восходит к древневосточной мысли, в частности, к преданиям о Будде¹, откуда переходит в Ветхий завет². Есть его следы и в народной поэзии³

Мотив можно трактовать по-разному. Так, С. И. Пискунова говорит об уподоблении жизни сну из-за осознания ее кратковременности и быстротечности⁴.

А. Л. Штейн говорит о контрасте, который, в целом, присущ барокко, а, в частности, отражает дисгармонию общественной жизни. Прекрасное же «находится в мире фантазии, противостоит реальному миру. Оно мимолетно и идеально, а также причудливо, вычурно, своеобразно»⁵. По сути, таковым является сон.

Говорит Штейн и о своего рода объективной причине сравнения жизни и сна: просыпаясь в тюрьме, Сехизмундо, несмотря на обман Клотальдо, чувствует, что произошедшее с ним во дворце очень похоже на происходящее в заключении. Веря Клотальдо (хотя и говоря о реальности чувств к Росауре), Сехизмундо решает, что вся наша жизнь есть сон⁶:

О, нет, не размыкая глаз,
Я спал, и, если разумею,
Я сплю, Клотальдо, и сейчас:
Я думаю, что в заблужденье

¹ История зарубежной литературы XVII века: Учеб. для филол. спец. вузов / Н. А. Жирмунская, З. И. Плавский, М. В. Разумовская и др.; Под ред. З. И. Плавской. — М.: Высшая школа, 1987. С. 49

² Штейн А. Л. На вершинах мировой литературы. — М., Худож. лит., 1977. С. 137

³ Там же. С. 139

⁴ Пискунова С. И. Испанская и португальская литература XII–XIX вв.: Учеб. Пособие — М.: Высш.шк., 2009. С. 421

⁵ Штейн А. Л. Указ. соч. С. 135

⁶ Там же. С. 146–147

Я, это говоря, не впал:
Когда лишь было сновиденьем,
Что я так верно осязал,
Недостовечно то, что вижу;
И чувствует душа моя,
Что спать могу я пробужденный,
Коли уснувшим видел я. <...>
Лишь женщину одну любил...
И думаю, то было правдой... (II, 18)

Так в нем пробуждается человек. По сути, убеждение в том, что жизнь есть сон обладает именно человеческой природой и противостоит звериным властолюбию и гордости Сихезмундо, с которыми он борется:

Но нет, мой дух, сдержи полет надменный,
Неверным торжеством не возгордись:
Что, если я *проснусь* и, тех высот достигнув,
Сорвусь, теряя почву, вниз? (III, 9)

(Здесь и далее курсив мой — С. А.).

Н. М. Балашов, говоря о мотиве жизни-сна, делает акцент на значимости «чувства трагического неустройства жизни». Мотив жизни-сна трактуется им как рожденный этим чувством символ, «помогающий наиболее человеческим образом подойти к решению практических вопросов», преодолеть «личные интересы ради гармонии целого» благодаря осознанию подобия суетной жизни сну⁷.

Кроме того, Балашов акцентирует внимание на заключительных строках монолога Сехизмундо, заключающих вторую хорнаду. В переводе К. Бальмонта они звучат так:

Раз жизнь есть только сновиденье,
А сновиденья только сны.

⁷ История всемирной литературы в 9-ти тт., Т. 4 — М., «Наука», 1987. С. 95–96

Однако значение оригинальных строк здесь не передается, а именно: «“Que toda vida es sueño, // Y los sueños, sueños son”. “Поскольку (раз) вся жизнь есть сон, (то) и сны суть (тоже) сны”». То есть главный тезис переходит в разряд иллюзии перед началом заключительной хорнады, опровергающей иллюзии и заблуждения предыдущих действий. Получается, что утверждение «жизнь есть сон» «тоже сон, следовательно, “жизнь не есть сон”»⁸. И эта двойственность, неясность и неразрешенность вопроса получается еще более барочной, чем утверждение того, что «жизнь есть сон».

⁸ Балашов И. М. На пути к неоткрытому до конца Кальдерону // Кальдерон. Драммы: В 2 кн. Кн. 1 — М., 1989. С. 770–772

Мотив жизни-театра

Пьеса «Жизнь есть сон» часто сравнивается с шекспировским «Гамлетом», а «принц польский» — с принцем датским. Касательно мотива жизни-театра, С. И. Пискунова отмечает, что Сехизмундо, в отличие от Гамлета, принимает «стоическое решение» доиграть свою роль до конца вместо пребывания в нерешительности, «искупленной гибелью»⁹.

Не справляясь сначала с ролью принца «в театре мира на пышной сцене» (II, 18) и возвращаясь в тюрьму, Сехизмундо изменяется вместе со своей ролью: находясь во главе войска, он, наследник польского престола, уже скорее *играет* зверя (см. монолог Сехизмундо, открывающий сцену 9 хорнады третьей), будучи человеком.

Мотив жизни-театра проходит и через линию Росауры, которая «вынуждена примерять маски-“роли” [мужчина-путник, фрейлина Эстрельи и женщина с мужским оружием — шпагой и кинжалом], равно искажающие ее <…> сущность»¹⁰.

С. И. Пискунова акцентирует внимание на сознании «временности <…> выступления в “великом театре мира”», которое, по ее мнению, является утешением для героев. Однако им необходимо хорошо играть свою роль, т.к. быть зрителем — смертный грех, наглядным доказательством чего является смерть пытавшегося скрыться от битвы Кларина¹¹:

А я укроюсь между скал
И разыграю роль Нерона,
Что ни о чем не помышлял. (III, 12) <…>
Смертельно раненый несчастный,
Что думал обмануть свой рок

⁹ Пискунова С. И. Указ. соч. С. 427

¹⁰ Там же С. 426–427

¹¹ Там же. С. 425

И сам нашел его. От смерти
Хотел укрыться я сюда
И с нею встретился... (III, 13)

Вообще мотив жизни-театра чаще всего обозначен именно в его речи, ведь он — шут (грасьосо), и вся его жизнь — игра для его хозяев:

И коль Надменность и Смиренье,
Сии почтенные особы,
Что в тысяче Священных Действ
Пред нами исполняли *роли*... (I, 4)

Такой обычай, может, здесь,
Что ежедневно выбирают
Кого-нибудь и, сделав Принцем,
Потом его ввергают в башню.
Я вижу это каждый день.
Так вступим в *роль*. (III, 2)

Заключение

Мотивы жизни-сна и жизни-театра раскрываются в пьесе Кальдерона «Жизнь есть сон» согласно сознанию и мироощущению эпохи барокко, являясь отражением господствующих взглядов, веры в иллюзорность мира, осознания краткосрочности бытия.

Список использованной литературы

1. *Балашов И. М.* На пути к неоткрытому до конца Кальдерону // Кальдерон. Драммы: В 2 кн, Кн.1. Сер. «Литературные памятники» — М.: Наука, 1989.
2. История всемирной литературы в 9-ти тт., Т. 4 — М., «Наука», 1987
3. История зарубежной литературы XVII века: Учеб. для филол. спец. вузов/ Н. А. Жирмунская, З. И. Плавский, М. В. Разумовская и др.; Под ред. З. И. Плавской. — М.: Высшая школа, 1987.
4. *Педро Кальдерон де ла Барка.* Жизнь есть сон (пер. К. Бальмонта) // Кальдерон. Драммы. В 2 кн, Кн. 2. Сер. «Литературные памятники», — М.: Наука, 1989
5. *Пискунова С. И.* Испанская и португальская литература XII–XIX вв.: Учеб. Пособие — М.: Высшая школа, 2009
6. *Штейн А. Л.* На вершинах мировой литературы. — М., Художественная литература, 1977.